

В.И. Мусеев

Транснаучные измерения биоэтики

В этой статье я хотел бы рассмотреть феномен так называемой «транснауки» и связать его определения с биоэтической методологией и рациональностью. Концепт транснауки достаточно новый, пока существует только одна публикация по этой теме¹, в связи с чем в этой статье мне хотелось бы привнести некоторые новые аспекты развития этой интересной темы и проиллюстрировать их на примере биоэтики и ее тематики, опять-таки в той форме, как она была представлена в ряде моих работ в связи с концептами «биоэтов» и «антиномов»². Все эти вопросы кажутся мне также существенно связанными с идеей и принципами гуманитарной экспертизы, чему также предполагается уделить определенное внимание³.

Концепт «транснауки» во многом родился как возможная форма обобщений некоторых интересных тенденций развития современной науки, как подпадающих под определения постнеклассической рациональности, так и намекающих на некоторые дальнейшие и возможные перспективны развития института науки. Тем самым я предполагаю, что общепризнанная в нашей современной философии науки типология стадий развития научного знания, выдвинутая В.С.Стёпиным и представленная известными этапами классической, неклассической и постнеклассической рациональности, может быть продолжена далее, уже за горизонты постнеклассики. С этой точки зрения транснаука рассматривается как некоторая «афте-постнеклассика», т. е. возможное состояние научного знания за пределами постнеклассического этапа ее развития.

Начну с рассмотрения некоторых тенденций развития новейшего научного знания и практики, которые, как мне представляется, могли бы послужить основанием к их обобщению в некотором более целостном феномене и метатренде транснауки.

Во-первых, несомненно, современная эпоха в науке носит ярко выраженный интегративный характер. В общем случае в истории научного знания с большей или меньшей регулярностью сменяют друг друга этапы аналитического и синтетического развития. В аналитические периоды дифференциация знания преобладает над интеграцией, в синтетические эпохи, наоборот, на первый план выходят процессы интеграции научного знания. Мы, как представляется, живем сегодня в эпоху усиления интегративных тенденций. Здесь можно сослаться на поиски теории великого объединения в современной физике, на героические усилия физиков синтезировать общую теорию относительности и квантовую механику и возродившуюся мифологию «конца науки», когда предполагается, что пресловутая «теория всего» сможет в едином формализме объять все события и процессы Вселенной⁴.

Сюда же примыкают тенденции теоретизации гуманитарных наук, поскольку построение теоретического знания – это всегда методология интеграции частноэмпирического знания.

В этом же русле лежит феномен возникновения разного рода синтетических научных направлений и движений – системный подход, кибернетика, синергетика, экология, когнитивные науки, биоэтика, развитие методологии меж- и трансдисциплинарных исследований.

В целом можно сделать вывод о нарастании интегративного потенциала развития современного научного знания во всех областях своего определения. С этим же коррелируют и разного рода синтетические рефлексии над процессами научной интеграции в лице интегрального подхода К.Уилбера⁵, моделей спиральной динамики Бека⁶, теории аутопоэза Матураны и Варелы⁷ и т. д. Нарастающие процессы интеграции в науке требуют адекватной рефлексии в философии науки и философии вообще. Интеграция научного знания протекает на фоне растущей – хотя и очень часто неоднозначной – экономико-политической интеграции.

Не секрет, что господствующая до сих парадигма научного знания является материалистической. Эту ситуацию не отменила даже постнеклассика. Включение субъекта в предмет научного

исследования пока ограничивается больше гносеологическими, методологическими и аксиологическими аспектами, не вполне затрагивающими онтологические схемы научной картины мира. Принципы объективности и научного познания связываются в конечном итоге с *внешним принципом объективности*⁸, в рамках которого совпадают объективное и объектное (относящееся к миру объектов, не субъектов). Феномен жизни и сознания по-прежнему продолжает рассматриваться как нечто онтологически случайное, способное никогда не возникнуть в эволюции физической Вселенной. Уравнения общей теории относительности и квантовой механики не приводят в качестве своих следствий к необходимости возникновения жизни и разума.

В то же время и в этой области можно говорить о появлении и развитии ряда знаменательных тенденций. Например, в современной аналитической теории сознания достаточно укрепилась тема *qualia*, субъективных качеств сознания, которые не могут быть окончательно сведены к любым объектным выражениям⁹. Вновь возрождаются идеи идеальной субстанции в рамках различных версий дуализма и интеракционизма. Усиливается интерес к формально-аксиоматическим построениям различных метафизических систем, говорят даже о новом направлении аналитической метафизики и неосхоластики¹⁰. Развитие трансперсональной психологии в наибольшей мере сегодня претендует на развитие нового типа научной методологии, в рамках которой феномен субъектности и сознания мог бы совмещаться с научными принципами критического познания в рамках нематериалистических типов мировоззрения¹¹. В рамках трансперсональной психологии происходит знаменательный процесс изменения сенсорных оснований эмпирического базиса науки. Восприятия и ощущения в области измененных состояний сознания (сновидения, гипнотические состояния и т. д.) начинают постепенно рассматриваться как вполне подходящий эмпирический материал для применения научной методологии.

В рамках меж- и трансдисциплинарных движений наука вовлекается в обширный диалог с разного рода вненаучными практиками культуры (политика, религия, мир повседневности и т. д.)¹². Особенно ярко это процесс представлен в биоэтике в лице состава и деятельности биоэтических комитетов, где на одной площадке выработки единого решения сходятся представители науки, рели-

гии, общественности и т. д. Возникает многомерный и многоуровневый трансдисциплинарный дискурс, диалогическое пространство которого выплавляет некоторые новые интегральные и полицентрические формы рациональности, расширяющие в том числе и границы постнеклассической научной методологии.

Все эти и другие тенденции, как представляется, могут быть подведены под некоторый общий концепт, условно обозначаемый термином «транснаука», в связи с близостью этого феномена с философией трансдисциплинарности. Приставка «транс» выражает в этом случае такой тип практики, который транс-цендирует, выходит за границы имеющихся сегодня – даже постнеклассических – определений научного знания. С другой стороны, соединение этой приставки со словом «наука» означает, что даже подобное трансцендирование продолжает соединяться с расширенной методологией научного познания, основанной на теоретическом исследовании и эксперименте¹³.

Итак, что же то основное, что вкладывается в понятие транснауки и могло бы послужить некоторым обобщением отмеченных выше тенденций?

Транснаука – тип научного знания, предполагающий принципиально новую парадигму представлений о реальности, в основе которой феномен жизни и сознания окажется фундаментальным онтологическим состоянием, укорененным в самых основаниях бытия¹⁴.

Если науку рассматривать в простейшем случае как единство эмпирического и теоретического уровней организации, то транснаука представляет собой единый феномен, затрагивающий организацию и научных теорий, и эмпирического базиса науки.

Во-первых, можно отметить сложный и глубокий процесс, связанный с изменением структуры эмпирического базиса транснауки. Если эмпирический научный базис всегда существенно опирался на данные пяти органов чувств и их интересубъективную обработку, то, начиная с исследований Карла Юнга, в истории науки стал формироваться новый феномен *интерсубъективной экстра-сенсорности*, которая все более кладется в основание нового – расширенного – образа эмпирического научного знания. Наука всегда неявно предполагала, что интересубъективным может быть только обычный опыт пяти органов чувств – своего рода *сенсорный базис* классической антропологии. Все выходящее за границы этой базо-

вой сенсорики и обычно называемое «экстрасенсорным» опытом мыслилось как неизбежно субъективное, не способное стать интересубъективным и потому войти в состав научного знания. В исследованиях Юнга и его последователей впервые возникла и стала формироваться новая методология интересубъективного представления опыта измененных состояний сознания, выходящих за границы базовой сенсорики человека. Таковы были новые методы работы с коллективным бессознательным, которое проявлялось в архетипических символах (в частности, в сновидениях) у множества людей, и результаты такого проявления могли подвергаться статистической обработке. Позднее это направление окрепло и получило дальнейшее развитие в работах С.Грофа¹⁵, Я.Стивенсона¹⁶, М.Ньютона¹⁷ и др. Если единство обычной сенсорности и интересубъективной экстрасенсорности называть *эписенсорностью*, то сегодня мы можем говорить о фундаментальной тенденции формирования *расширенного – эписенсорного – образа эмпирического базиса* научного познания. Основу этого опыта составляет расширенная сенсорность, которая, кроме данных пяти органов чувств, включает в себя восприятия разного рода измененных состояний сознания (сновидения, гипнотические состояния, ретровоспоминания и т. д.), проявляющиеся у множества людей и получающие интересубъективную проверку, подкрепленную другими методами эмпирического и теоретического познания.

Во-вторых, феномен транснауки опирается не только на расширенный (эписенсорный) эмпирический базис, но с самого начала проявляет себя в формировании новых типов теоретического знания¹⁸. Здесь можно приводить много ссылок на уже огромную литературу¹⁹, но в конечном итоге всем этим направлениям новой научной рациональности можно подвести тот общий итог, что они так или иначе опираются на новый тип научной объективности, в основе которого лежит единство объектного и субъектного образа реальности²⁰ – феномены жизни, сознания, разума, субъектности в той или иной форме органично входят здесь в структуру единой субъект-объектной реальности. Интересно, что фактически в этом новом образе теоретического знания начинают в новой форме воспроизводить себя многие структуры классической метафизики, в связи с чем такой новый тип теоретического знания можно было бы условно обозначить как *научную метафизику*. Здесь фундамен-

тальные структуры метафизики (душа, мир, Бог) впервые начинают находить свою теоретическую обработку средствами математического моделирования, логической аксиоматизации и т. д.

Итак, в основе феномена транснауки лежат две фундаментальные инновации – расширенный (эписенсорный) эмпирический базис в области прикладных исследований и научная метафизика в теоретической сфере. И оба этих явления тесно связаны между собой. В самом деле, согласно кантовской традиции, научная метафизика невозможна именно потому, что границы науки очерчены пятичувственным сенсорным базисом, в то время как основные вопросы метафизики (души, мира и Бога) требуют выхода за такую сенсорность. Кант лишь предполагал, что подобный выход никогда не будет возможен для человеческого типа научного познания. И здесь, аналогично крушению консервативных кантовских предсказаний в области геометрии и логики, в лице развития трансперсональной психологии и других проявлений расширенного эмпирического базиса мы наблюдаем еще одно крушение кантовского прогноза. Расширение пятичувственного сенсорного базиса с сохранением его научности (в частности, intersubjectivity) приводит к возможности построения на его основе и нового типа теоретического знания, которое по праву может быть названо «научной метафизикой».

Итак, хотя научная метафизика возникает во многом самостоятельно, но вскоре она обнаруживает свою координацию с расширенным эмпирическим базисом и все более начинает выступать как теоретическое выражение этого типа базиса. С другой стороны, эписенсорный тип опыта все более начинает получать теоретическую нагруженность со стороны нового типа научного знания. В итоге возникает все более целостный феномен транснауки, в основе которого лежит сетевая координация эписенсорного эмпирического базиса и научной метафизики. С этой точки зрения наше время по своей масштабности вполне соответствует эпохе Возрождения, когда возникала современная научная традиция. Сегодня аналогично идет рождение транснаучных образов познания и практики.

Далее можно высказать еще одну гипотезу, тесно связанную с феноменом биомедицинского знания. В эпоху обычной науки фундаментальным знанием в конечном итоге могло быть лишь знание

физическое, и все прочие виды знания оказывались прикладными его аспектами. *Науки о жизни, сознании и человеке способны обрести свой фундаментальный статус только в рамках транснаучного знания*, поскольку только в транснауке феномен жизни и сознания органично включен в состав совокупного образа реальности. В связи с этим эпоха будущей транснауки – это одновременно время возникновения нового фундаментального знания, в основе которого будут лежать науки о жизни и сознании. Биоэтика относится к разряду именно таких наук, и будущая транснаука может быть одновременно представлена в качестве условия формирования биоэтики как фундаментальной науки, которая должна будет обладать своими разделами научной метафизики и собственными версиями расширенного (эписенсорного) эмпирического базиса.

Посмотрим с точки зрения транснаучных определений на феномен биоэтики более пристально. Главный наш тезис далее будет состоять в том, что феномен биоэтики содержит в себе множество транснаучных определений и выступает как одна из площадок роста будущего транснаучного знания.

Главная идея, с нашей точки зрения, которая позволила бы сделать переход от биоэтики к феномену транснауки, следующая. *Сегодня проблемы биоэтики больше самой биоэтики* – таков основной тезис. Это значит, что в лице своих основных проблем биоэтика в настоящее время ставит такие вопросы и затрагивает такие темы, которые выходят за границы возможностей современной науки и могут быть решены в рамках только будущего транснаучного знания. Проиллюстрируем этот тезис на ряде биоэтических проблем.

Рассмотрим, например, такую классическую проблему биоэтики, как проблема статуса человеческого эмбриона и отношение к проведению искусственного аборта. Почему в решении этой проблемы так много сложностей и разных точек зрения, которые порою кажутся несовместимыми? Позволим себе предположить следующую гипотезу по этому поводу.

Чтобы достаточно определенно отвечать на вопрос о статусе человеческого эмбриона, необходимо иметь *критерий персонализации*, т. е. критерий начала того состояния, когда человеческий эмбрион оказывается потенциальной конкретной личностью. Тем самым предполагается, что в развитии эмбриона есть два перио-

да – доперсональный и персональный, и их разделяет некоторая временная граница, возможность указать которую и может быть выражена как критерий персонализации. В решении этой проблемы наблюдается множество самых разных подходов и точек зрения. Нам представляется, что неспособность современной биологии дать четкий критерий персонализации неслучайна. Дело в том, что этот критерий вызывает к новой биологии, которую можно было бы условно называть *транс-биологией*. Критерий персонализации предполагает более интегральный образ онтологии, чем тот, который принят в современной биологии. В этой новой онтологии должны допускаться объективно существующие *регионы внутренних миров* субъектов, лежащие транс-рядом с регионом внешнего мира. О такой структуре онтологий автором было уже достаточно много написано, и они обозначались как *субъектные онтологии*²¹. Итак, наша гипотеза состоит в том, что критерий персонализации может быть решен только в рамках биологии, которая предполагает структуру реальности как структуру субъектных онтологий. Такая биология и могла бы условно быть названа транс-биологией.

В самом деле, критерий персональности предполагает объективное существование бытия личности (персонального бытия), в том числе его эмпирическое выражение в телесности человеческого эмбриона. Но персональное бытие является существенно субъектным, содержит в себе структуры внутреннего мира, наполненного ценностными и когнитивными детерминантами, в связи с чем такое бытие объективно может быть выражено только в рамках субъектных онтологий.

Обретение персонального бытия эмбрионом окажется в этом случае значительным событием в структуре субъектных онтологий, что не может не выражаться в своих маркерах – как внутренних, так и внешних. Если бы транс-биология смогла определять такие маркеры персонального бытия, то она достаточно определенно могла бы решать проблему определения критерия персональности. Но биология, которая заранее ограничивает себя научным исследованием только региона внешнего мира, по определению не в состоянии дать адекватные формулировки критерия персональности.

Проблема отношения к искусственному абортует поднимает огромный пласт тем, в центре которых находится тема вины и ответственности личности. Это одна из главных проблем этики вооб-

ще, и одним из интересных выражений транснаучных тенденций является также взаимоободный феномен «сциентизации этики» и «этизации науки». Хотя о втором феномене уже достаточно много сказано, первый из них вполне может быть осмыслен опять-таки только в рамках транснаучных измерений.

В самом деле, этика предполагает свои онтологии, которые также являются существенно субъектными. Именно в регионах внутренних миров лежат ценности и нормы, правила и нравственные законы. До сих пор этика мыслилась в рамках кантовской дихотомии теоретического и практического разума, что выражалось в том числе в отрицании онтологического статуса регионов индивидуальных и коллективных внутренних миров. Коль скоро феномен транснауки выражается в их все большей онтологизации, этика все более должна приобретать собственную онтологию, в отношении к которой возможно построение транснаучной методологии познания и освоения.

В частности, в рамках структуры субъектных онтологий транснаука впервые – с использованием средств расширенной научной методологии – может ставить вопросы о комплексной онтологической причинности, которая соединяет в себе определения объектной и субъектной каузальности. В этом случае вполне может оказаться, что существует отдельный онтологический регион *субъектной каузальности*, который связан со своими принципами и законами, и все это также может исследоваться транснаучной методологией, в том числе с определением – через эмпирически-выраженные маркеры – уровней причинности и степени тяжести тех или иных субъектных деяний²².

Сегодня это кажется фантастикой, но достаточно привести один пример, чтобы показать, что здесь вполне возможен трансрациональный и транс-научно-обоснованный дискурс.

Подобно критерию персонализации в решении проблемы статуса человеческого эмбриона, для ответственного деяния можно сформулировать своего рода *критерий восполнения*. Поясню, о чем идет речь.

В рамках субъектной каузальности существует своя диалектика *неполнений* и *восполнений*. В неполнении происходит задание неполноты некоторого субъектного состояния, которое активизирует компенсаторный процесс своего восполнения до некоторого об-

раза субъектной полноты (плерона). По-видимому, в ритмах неполнений и восполнений протекают все субъектные деяния. В том числе все то, что мы называем нарушениями и преступлениями, выступает в форме более или менее глубоких неполнений, которые вызывают процессы своего дальнейшего восполнения.

Восполнения в данном случае играют не столько роль наказаний, сколько форм приобщения субъекта к полноте бытия совершаемых им деяний. Например, нанесение ущерба субъектом А другому субъекту В – это в общем случае симметричная форма деяния «Х наносит ущерб У-ку», где Х и У выступают как универсальные субъектные *переменные*. И когда субъект А активизирует эту универсальную схему только в форме «А наносит ущерб В», то он видит ее как бы «с лица» (с более приятной стороны), в то время как субъекту В она достается «со спины» (с неприятной стороны). Но субъект А должен постичь всю полноту этой схемы, и потому активация ее «с лица» дается как неполнение, которое активизирует процесс восполнения, т. е. активации той же схемы «со спины» теперь уже для субъекта А, в инвертированном модуле «С наносит ущерб А», где С не обязательно должен совпасть с В. Только соединение обоих аспектов схемы даст наиболее полное определение ее как некоторой формы объективного субъект-бытия. Это и есть, по-видимому, основная восполняющая задача субъектной каузальности.

Отсюда ясно, что одна и та же субъектная схема может исполняться субъектом в двух разных модусах – в *модусе неполнения* («с лица») и *модусе восполнения* («со спины»). Первый модус – этика обычно и выражает как состояние *вины* субъекта, хотя по большому счету модусы неполнения субъектных деяний кажутся практически неизбежными в структуре развития субъекта и получения им опыта жизни. Их неполнота (условность) все же не может быть – по большому счету – не допущена в бытие, но опять-таки только при дальнейшем условии их восполнения. Такова, как представляется, достаточно универсальная схема субъектной причинности.

В этом случае в совершении любых субъектных деяний в структуре субъектных онтологий, связанных с регионами объективных внутренних миров, должна появляться неизбежная *каузальная модальность* неполнения или восполнения. Только эти модальности – как объективные состояния субъектных онтологий – в

конечном итоге могут выступать критериями оценки степени вины соответствующего деяния. Возможно, в ряде ситуаций можно было бы устанавливать некоторые зависимости между структурами деяний и их каузальными модальностями. Но, по-видимому, эта стратегия всегда имеет ограничения, – и вот почему столь смутны любые системы этики, которые пытаются определить каузальные модальности на основе структур деятельности, формулируя их в некоторых нормах («помогай слабым», «не убий» и т. д.). В этом случае любое деяние одного качества в одних случаях может обладать одной каузальной модальностью, в других случаях – другой. Эту ситуацию можно обозначить как *каузальную нейтральность* субъектных деяний.

Отсюда порождается активная позиция антисциентистского понимания этики, в том числе отрицания объективных регионов внутренних миров и структур субъектных онтологий, что в конце концов ведет к кантовскому дуализму сущего и должного.

Но есть и еще один возможный ход решения указанной проблемы каузальной нейтральности. Это транснаучный подход, который мог бы поставить перед собой задачу транснаучного определения каузальных модальностей субъектных деяний. Вполне по аналогии с критерием персональности могло бы оказаться, что был бы способен существовать и некоторый *критерий восполнения* субъектного деяния, который в том числе мог бы выражаться и в своих эмпирических маркерах. Но сформулировать такого рода задачу и наметить пути ее решения возможно только в рамках философии и методологии объективных внутренних миров, т. е. в рамках транснаучной парадигмы.

Конечно, каузальная модальность – не чисто эмпирическая проблема транснаучного исследования. Чистой эмпиричности, как известно, вообще не бывает. В целом проблема транснаучного определения этики могла бы выглядеть как единство теоретического и эмпирического подходов, где теоретический метод мог бы в большей мере предполагать связи каузальной модальности с тем или иными видами деяний и их контекстами (что, собственно, всегда и делалось в этике), а трансэмпирические исследования впервые могли бы иметь дело с определением эмпирических маркеров каузальной модальности, координируясь в решении этой задачи с транс-теорией.

Аналогичным образом можно пытаться исследовать транснаучные измерения других биоэтических тем и подходов. Остановаемся здесь еще на некоторых иллюстрациях.

Сегодня достаточно общепринято, что основным субъектом принятия решения в биоэтике являются *биоэтические комитеты*. Они носят меж- и трансдисциплинарный характер и только в режиме диалога представителей разных субкультур могут быть выработаны наиболее полные и конкретные биоэтические решения, насколько это вообще возможно сегодня. Такого рода представления о роли и значении биоэтических комитетов можно обозначить как отдельный *концепт биоэтического комитета* (КБК). С этим концептом тесно связана методология плюрализма, диалога, открытого знания, интеграции, конвергенции и т. д.

С точки зрения транснаучных перспектив КБК приобретает интересные интерпретации. Некоторые из них будут представлены ниже.

Во-первых, биоэтический комитет уже сегодня может быть рассмотрен как площадка формирования транснаучного дискурса. Например, в его рамках встречаются и вырабатывают единые решения представители науки и религии. Можно предполагать, что в религиозном опыте всегда содержится существенная эписенсорная составляющая, которая связана с обоснованным духовным опытом разного рода религиозных подвижников и основателей данного религиозного направления. Кроме того, несомненно, что теологические определения религиозного опыта весьма близки к разного рода метафизическим подходам. Так или иначе эти составляющие входят в определения данного религиозного опыта и через социальный институт биоэтического комитета вступают в диалог с научным дискурсом, образуя в целом *транснаучное дискурсивное пространство*, в котором взаимодействуют компоненты научной теоретичности и эмпиричности и религиозной эписенсорности и метафизичности, формируя в целом измерения транс-эмпирического и научно-метафизического определений. Было бы интересно проследить такого рода комплексацию на конкретных примерах работы биоэтического комитета и выработки им своих решений.

Во-вторых, в рамках нормативных транснаучных определений КБК приобретает двойственное выражение. С одной стороны, КБК содержит в себе несомненную интегративно-плюралистическую

методологию, которая лежит в основе выработки более взвешенных и гибких решений в рамках любых типов научной рациональности. С другой стороны, институт биоэтических комитетов, в том виде как они существуют сегодня, неизбежно является некоторым вынужденным средством «латания транснаучных дыр» в современном научном дискурсе. Ввиду отсутствия реальной транснаучной теории и практики биоэтические комитеты сегодня являются максимально возможным приближением современной культуры к задачам и запросам транснаучного характера биоэтических проблем. Как уже отмечалось, такие проблемы носят существенно танснаучный характер и могут приобрести достаточную решаемость только в рамках института транснауки. В то же время современная культура, в том числе биоэтика, находится еще на пути к формированию института транснауки и потому не в состоянии адекватно отвечать на вызовы такого рода проблем. В такой ситуации биоэтические комитеты оказываются некоторой переходной стадией максимального приближения к статусу транснаучного исследования и практики в рамках современной культуры. Наиболее ярко это сказывается в том, что итоговое решение оказывается в этом случае некоторой внешней мозаикой отдельных точек зрения, которые более или менее подгоняются друг к другу подчас по принципу лоббирования групп интересов. В рамках транснаучного подхода должна быть сохранена единая научная методология сетевых отношений эмпирического и теоретического, но в рамках расширенных транснаучных определений того и другого. На этом фоне переходная методология биоэтических комитетов оказывается некоторой вынужденной и временной мерой, как соединяющей в своих определениях более интегративный трансдисциплинарный дискурс, так и отходящей от принципов научности вообще.

В итоге, как уже отмечалось, КБК приобретает двойственный статус, выступая, как нам представляется, неизбежной переходной стадией института принятия решения в движении от науки к транснаучным формам исследования.

Описанные выше транснаучные интерпретации ряда биоэтических тем и проблем оказываются также связанными с развиваемой автором концепцией биоэтов и антиномов²³. В общем случае *антином* – это некоторая комплексная сущность, которая редуцируется в определенных контекстах к своим непротиворечивым

представлениям (редуктам). Существуют тенденции полностью сводить антином к тем или иным редуктам и абсолютизировать стоящий за ними контекст, что порождает разного рода крайние течения, ведущие бесконечную войну друг с другом. В рамках биоэтической практики, в том числе в деятельности биоэтических комитетов, мы видим примеры более интегративной методологии, которая обычно выражается в очерчивании границ всех редуктивных контекстов и формулировке соответствующих критериев демаркации, указывающих подобные границы. С антиномами всегда тесно связаны *антиномии* – противоречивые суждения, выражающие природу антиномов. Механизм редукции антиномов оказывается в этом случае связан с механизмом *разрешения антиномий* до своих непротиворечивых представлений. Подобный механизм разрешения отличает антиномии от формально-логических противоречий тем, что для антиномий в процедуре разрешения удерживается момент истинности и тезиса, и антитезиса, в то время как в формально-логическом противоречии разрешение связано с полным отбрасыванием либо тезиса, либо антитезиса²⁴.

Биоэты – частный случай антиномов, возникающих именно в биоэтических исследованиях. Ранее в ряде своих работ автор описывал различные виды биоэтов, их редукты и примеры критериев редуктивной демаркации.

Тема антиномов и биоэтов поднимает интересную проблематику *антиномического дискурса в биоэтике*. Рациональная среда биоэтических проблем оказывается насыщенной противоречиями, столкновениями разных подходов и точек зрения, что формирует в целом высокоантиномическое дискурсивное пространство. Попытки дихотомически разрешать встречающиеся здесь противоречия, т. е. идти по пути формально-логических образов рациональности, оказываются как правило малоэффективными. Каждое противоречивое образование в этом случае скорее напоминает аналог квантовомеханической системы, которая в различных измерительных процедурах может быть редуцирована к дополнительным непротиворечивым представлениям, но сама оказывается лежащей «по ту сторону» непротиворечивых альтернатив. Подобная структура может быть более адекватно выражена идеей особого типа противоречий – антиномий, – которые отличны от формально-логических противоречий иными меха-

низмами разрешения, о чем уже упоминалось выше. Редуктивное сохранение всех альтернатив антиномической структуры в рамках некоторых локальных контекстов (интервалов) оказывается в этом случае гораздо более адекватной методологией процедур выработки и принятия решений в работе разного рода биоэтических институализаций. С этой точки зрения антиномический дискурс оказывается существенно входящим в определения биоэтических исследований и практики.

Имеет ли описанная антиномичность те или иные связи с транснаучной методологией и какого рода такие связи могли бы быть?

Позволю себе здесь напомнить читателю, что антиномизм, тема особого типа противоречий (антиномий), отличных от формально-логических противоречий, – это постоянная проблематика так называемых традиций диалектической логики в истории философии. Диалектика и диалектическая логика, в свою очередь, всегда рассматривалась этими традициями как существенная составляющая теоретической философии или метафизики. Поскольку, как уже отмечалось, теоретический уровень транснаучной рациональности формируется как версия своего рода научной метафизики, то вполне резонно ожидать важное значение некоторой научной представленности темы антиномий в рамках транстеоретических определений.

Здесь же прослеживаются связи и с центральным определением транснауки как расширения научной методологии на структуры субъектных онтологий, в частности, на регионы объективных внутренних миров. Основу субъектности составляет феномен *сознания*, который содержит существенно антиномические определения своего субъект-бытия. Попытки определения феномена сознания прямо, как некоторой вещи, как известно, всегда терпели крушение. Например, подобный очередной виток крушения натурализации сознания мы можем наблюдать в рамках аналитической философии сознания. Все более здесь рождается понимание проблемы сознания как в первую очередь «трудной проблемы»²⁵, поднимающей тему того, *что* есть сознание, а не *как* оно связано с чем-то другим или *как* оно в чем-либо проявляет себя. В конечном итоге приходит понимание в том числе существенно антиномичной природы сознания, бесконечно ускользающей от своих объективаций и в то же время постоянно порождающих эти объ-

ективации. История философии в лице представителей немецкой классической философии, экзистенциализма и др. также приходит к подобному выводу – сознание существенно антиномично и диалектично.

Отсюда следует тот вывод, что и структуры субъектности, субъектных онтологий, в основании которых лежит объективное признание субъект-бытия феномена сознания, также должны обладать существенной антиномичностью. Так мы получаем явное звучание темы антиномизма в определениях транснауки как научной методологии субъектных образов онтологии.

Возвращаясь к проблеме антиномов, мы теперь могли бы попытаться более отчетливо проследить корни антиномичности в субъектных определениях феномена сознания.

Рассмотрим для примера биоэт человеческого эмбриона, который уже неоднократно описывался автором ранее²⁶.

Человеческий эмбрион выступает как существенно антиномическая сущность с точки зрения дихотомической организации естественнонаучного и гуманитарного дискурса в современной культуре. Если предполагать описанный выше критерий персонализации эмбриона, то он связан с некоторой границей во временной организации эмбриогенеза. До этой границы эмбрион является преимущественно доперсональным объектом, после этой границы – потенциально персональным объектом (потенциальной человеческой личностью). Как уже отмечалось, подобная редуцирующая дихотомия должна иметь свои объективные основания в субъектной онтологии эмбриона, в объективных регионах внутреннего мира которого должно происходить кардинальное изменение, связанное с феноменом персонализации, – рождением внутреннего мира эмбриона как внутреннего мира потенциальной человеческой личности. На доперсональной стадии эмбрион во многом может быть редуцирован к своей внешней телесности, изучаемой биологией, в то время как в персональном периоде своего развития эмбрион оказывается предметом исследования гуманитарных наук, имеющих дело с феноменом субъектности. Но сам эмбрион предстает как некоторая мета-целостность, которая переходит от первого ко второму во времени своего развития и тем самым вмещает в себе доперсональные (биологические) и персональные (этические) определения.

В такой схеме описания мы видим двойные основания антиномичности эмбриона-биоэнта – *гносеологические*, вызванные разорванностью культуры на естественнонаучное и гуманитарное знание, и *онтологические*, связанные с существованием объективного внутреннего мира эмбриона, особенно сильно выражающего себя на персональной стадии своего развития.

Гносеологическая антиномичность проявляется в отсутствии непротиворечивых рационализаций *мета-объектов*²⁷ в современной научной культуре, которые бы синтезировали в себе естественнонаучные и гуманитарные детерминанты. В то время как биоэнт-эмбрион оказывается именно таким мета-объектом. Именно с этим видом антиномичности связана формулировка критерия персонализации и выделение темпоральных определений до- и персональных стадий-редуктов развития эмбриона.

Онтологические основания антиномичности эмбриона особенно связаны с его персональной стадией, когда эмбрион начинает обладать потенциальным личностным сознанием, которое может проявлять разного рода антиномические определения. Одно из наиболее ярких проявлений такого рода в данном случае – антиномия потенциальности-актуальности личностного сознания на стадии эмбриона. Можно ли считать такого рода сознание, из которого в будущем еще только может развиваться полноценное сознание личности, само являющееся личностным сознанием или нет. Здесь также возможны свои редукты и механизмы разрешения данной антиномии.

Итак, как можно видеть, тема антиномизма оказывается также тесно связанной с определениями феномена транснауки и одновременно глубоко укорененной в антиномическом дискурсе биоэтики, что в целом формирует общую антиномическую территорию, где встречаются транснаучные и биоэтические определения.

Последний момент, который хотелось бы отметить в данной статье, – это институт гуманитарной экспертизы и его возможные транснаучные основания.

В теме гуманитарной экспертизы можно отметить повышено научные требования, предъявляемые к гуманитарному знанию вообще, в том числе и к его биоэтической версии. С этой точки зрения отмеченный выше переходный характер КБК и процедур принятия решения в биоэтических институционализациях проявляет себя

особенно остро. Требования гуманитарной экспертизы разного рода инновационных проектов вызывают к повышенной обоснованности, теоретичности и научности гуманитарного знания, во многом способного дорасти до собственных гуманитарно-измерительных процедур. Такого рода задача, как можно попытаться показать, может быть достаточно выполнимой опять-таки только в рамках транснаучной методологии. До тех пор, как нам представляется, гуманитарная экспертиза может носить лишь половинчатый характер, отмеченный выше в двойственном статусе КБК.

В общем случае тема гуманитарной экспертизы может быть представлена как определенная методология оценки возможных гуманитарных рисков и выигрышей от будущего применения некоторого инновационного проекта. При решении этой задачи необходимо иметь *модели человека и общества* и представить данный проект как некоторый *субъектный оператор*, оказывающий определенное воздействие на данные субъектные структуры. Далее должна использоваться некоторая *модель субъектной нормы*, только относительно которой данное воздействие может быть оценено с той или иной *валентностью*, т. е. как положительное или отрицательное. Такова минимальная система концептов, требуемая, как нам представляется, институтом гуманитарной экспертизы.

Все эти концепты, как легко видеть, относятся к структурам субъектных онтологий, т. е. они предполагают регионы объективного внутреннего мира и их внутреннюю структурированность. Именно в этих внутренних регионах лежат субъектные определения человека и общества, действуют субъектные операторы и задана субъектная норма. Следовательно, задачи гуманитарной экспертизы с точки зрения своих теоретических выражений оказываются существенно транснаучными, коль скоро предполагается объективная реальность субъект-бытия и возможность его научного выражения.

Еще один важный момент определения гуманитарной экспертизы связан с проведением гуманитарно-измерительных процедур, например, выяснением валентности и ее величины в случае воздействия инновационного проекта как субъектного оператора, условий формирования параметров субъектной нормы и т. д. В этом случае экспертиза встанет перед задачей выявления разного рода детерминантов субъектных состояний, в том числе имеющих

количественный или полуколичественный характер. Например, это могут быть количественно-эмпирические характеристики отмеченных выше критериев персонализации человеческого эмбриона, критериев неполнения-восполнения для оценки каузальной модальности того или иного субъектного деяния и т. д. Во всех этих случаях, как уже было отмечено, решение подобных задач может быть проведено только в рамках транснаучного подхода, имеющего дело со структурами субъектных онтологий, в том числе выраженных средствами научной метафизики и эпистемологии.

Примечания

- ¹ Моисеев В.И. Медицина как транснаука // Философские проблемы биологии и медицины: Вып. 4: Фундаментальное и прикладное. М., 2010. С. 5–7.
- ² Моисеев В.И. Биоэтика – наука о биоэтах // Трудный пациент: журнал для врачей. 2007. № 1. Т. 5. С. 55–58; Моисеев В.И. Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины: учебное пособие для вузов. М., 2008; Moiseyev V. Bioethics as the Science about Bioeths // Book of Abstracts. European Association of Centres of Medical Ethics (EACME). 21st Annual Conference: “Bioethics in the Real World”. 13–15 September 2007. Institute of Biomedical Ethics, University of Zurich, Zollikerstrasse 115, Zurich, Switzerland. P. 57; Moiseyev V. Euthanasia as bioet: basic principles // Book of Abstracts. European Association of Centres of Medical Ethics (EACME). 22nd Annual Conference: “Multiculturalism, Religions, and Bioethics”. Venice (Italy), 10–11 September 2009. University of Venice. Fondazione Lanza. P. 59; Моисеев В.И. Интервальный подход и гуманитарная экспертиза // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 / Отв. ред. Ф.Г.Майленова. М., 2010. С. 153–172.
- ³ См. также: Моисеев В.И. Глобально-стратегический контекст проблемы гуманитарной экспертизы инновационных проектов // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: Комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 / Отв. ред. Ф.Г.Майленова. М., 2009. С. 139–155.
- ⁴ См. напр.: Вайнберг С. Мечты об окончательной теории. М., 2004.
- ⁵ См. напр.: Уилбер К. Интегральная психология. М., 2004; Уилбер К. Краткая история всего. М., 2006.
- ⁶ См. Beck D.E., Cowan C.C. Spiral Dynamics. Blackwell, 1996.
- ⁷ Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. М., 2001.
- ⁸ О внешнем принципе объективности см.: Моисеев В.И. Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 65–68; Моисеев В.И. Этос науки как символ новой объективности // Этос науки / Отв. ред. Л.П.Киященко и Е.З.Мирская. М., 2008. С. 255–271.
- ⁹ См. напр.: Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 32. P. 127–136.

- ¹⁰ См., напр.: *Lewis D.K.* New Work for a Theory of Universals // *Australasian Journal of Philosophy*. 1983. 61. P. 343–77.
- ¹¹ См., напр.: *Гроф С.* Психология будущего. Уроки современных исследований сознания. М., 2003.
- ¹² См.: *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия трансдисциплинарности. М., 2009.
- ¹³ См. также о понятии внутренних и внешних принципов науки: *Моисеев В.И.* Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 28–32. Транснаука в этом смысле может быть определена как научная методология, опирающаяся на внутренние принципы науки и выходящая за границы внешнего принципа материализма-атеизма.
- ¹⁴ См. также: *Моисеев В.И.* Витомерные образы постнеклассической онтологии // *Постнеклассические практики: определение предметных областей: Мат. междисциплинарного семинара / Под общ. ред. О.Н.Астафьевой.* М., 2008. С. 92–120.
- ¹⁵ *Grof S.* Realms of the Human Unconscious. N.Y., 1976.
- ¹⁶ *Stevenson I.* Twenty Cases Suggestive of Reincarnation: Second Edition, Revised and Enlarged. 2nd ed. Charlottesville, 1974.
- ¹⁷ *Newton M.* Journey of souls: case studies of life between lives. St. Paul (Minn.), 1994.
- ¹⁸ См. напр. работы В.А.Левефра, К.Уилбера, К.Гёделя (формализация онтологического доказательства бытия Бога), В.И.Моисеева (логика всеединства).
- ¹⁹ Достаточно указать на работы В.С.Стёпина, М.Гиббонса, Х.Новотны, Дж. Займена, Б.Николеску.
- ²⁰ *Моисеев В.И.* Этнос науки как символ новой объективности // *Этнос науки / Отв. ред. Л.П.Киященко, Е.З.Мирская.* М., 2008. С. 255–271.
- ²¹ См. напр.: *Моисеев В.И.* От биологии к витологии: новая точка зрения на феномен живого существа // *Методология биологии: новые идеи (синергетики, семиотика, коэволюция) / Отв. ред. О.Е.Баксанский.* М., 2001. С. 222–233; *Моисеев В.И.* Логика всеединства. М., 2002; *Моисеев В.И.* Опыт реконструкции определения аффектов в «Этике» Спинозы // *Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности.* М., 2002. С. 302–322; *Моисеев В.И.* Логика Добра. Нравственный логос Владимира Соловьёва. М., 2004; *Моисеев В.И.* Витомерные образы постнеклассической онтологии // *Постнеклассические практики: определение предметных областей: Материалы междисциплинар. семинара / Под общ. ред. О.Н.Астафьевой.* М., 2008. С. 92–120; *Моисеев В.И., Моисеева О.Н.* В пространстве биологоса // *Филос. науки.* 2009. № 1. С. 44–59; *Моисеев В.И.* Логика открытого синтеза: В 2 т. Т. 1, 2. СПб., 2010.
- ²² Под «деянием», как это принято в праве, я имею здесь в виду *действие или бездействие* субъекта, имеющее значимость для рассматриваемой проблемы.
- ²³ См.: *Моисеев В.И.* Биоэтика – наука о биоэтах // *Трудный пациент: журнал для врачей.* 2007. № 1. Т. 5. С. 55–58; *Moiseyev V.* Bioethics as the Science about Bioets // *Book of Abstracts. European Association of Centres of Medical Ethics (EACME). 21st Annual Conference: “Bioethics in the Real World”.*

- 13–15 September 2007. Institute of Biomedical Ethics, University of Zurich, Zollikerstrasse 115, Zurich, Switzerland. P. 57; *Moiseev B.I.* Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 455–487; *Moiseyev V.* Euthanasia as bioet: basic principles // Book of Abstracts. European Association of Centres of Medical Ethics (EACME). 22nd Annual Conference: “Multiculturalism, Religions, and Bioethics”. Venice (Italy), 10–11 September 2009. University of Venice. Fondazione Lanza. P. 59; *Moiseev B.I.* Интервальный подход и гуманитарная экспертиза // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 / Отв. ред. Ф.Г.Майленова. М., 2010. С. 153–172.
- ²⁴ См.: *Moiseev B.I.* Интервальный подход и гуманитарная экспертиза. С. 153–172.
- ²⁵ *Васильев В.В.* Чалмерс: все решения плохи // Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 152–189.
- ²⁶ *Moiseev B.I.* Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 455–487; *Moiseev B.I.* Интервальный подход и гуманитарная экспертиза. С. 153–172.
- ²⁷ О понятии метаобъекта см.: *Moiseev B.I.* Синергетика как наука о метаобъектах // Синергетика в современном мире: Сб. материалов Междунар. научн. конф. Ч. III. Белгород, 2001. С. 95–104.